

МЕЖДУНАРОДНЫЕ УГРОЗЫ 2020

Каждый – за себя

ОГЛАВЛЕНИЕ

Время силы	3
Америка: 2020-й и дальше	6
Больше свободы маневра	10
Перспектива «Евразийского концерта»	12
Спазмы европейской безопасности	14
Эпоха техноэкономических блоков	16
Экополитика и политэкология.....	20
Будущего недостаточно. Главные ожидания от 2020 года.....	22

Авторский коллектив: Андрей Безруков, Андрей Сушенцов, Михаил Мамонов, Николай Силаев, Сергей Маркедонов, Андрей Байков, Алексей Токарев, Елена Маслова, Адлан Маргоев, Артем Соколов.

Ответственный редактор и руководитель проекта – Андрей Сушенцов.

Лаборатория анализа международных процессов МГИМО МИД России, декабрь 2019.

Доклад подготовлен в рамках выполнения исследования «Трансформация системы международных отношений в контексте смены технологического уклада» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в соответствии с договором от 26 апреля 2018 года № 14.641.31.0002 о выделении гранта Правительства Российской Федерации.

Иллюстрация на обложке: Александр Дейнека. Бег. 1932-1933. Государственный Русский музей.

Время силы

Владимир Путин и Реджеп Эрдоган на авиасалоне МАКС-2019

В нашем пятилетней давности прогнозе мы писали: «Если Россия устоит до 2020 года, если все попытки ее противников не приведут к экономическому коллапсу, хаосу и распаду страны, то можно будет с уверенностью сказать, что доминированию Запада пришел конец. Это значит, что международные отношения официально вступят в новую эру»¹.

Россия устояла, а мир начал переход из одной эпохи в другую – с новой экономикой, с новой политикой, с новым обществом. Пока обозначаются лишь контуры этого мира, однако борьба за контроль над ним уже идёт вовсю. Конкуренты мобилизуют ресурсы, отказываются от приевшихся друзей и скрывающихся договоренностей и присматриваются к новым альянсам.

Словами Экклезиаста – наступает время «отказываться от объятий». Нигде примат

собственных эгоистических интересов не проявляется так отчётливо, как в Америке Дональда Трампа. Но она в этом смысле отнюдь не одинока. Великобритания Бориса Джонсона спешит освободиться от удушающих объятий Евросоюза. Не в восторге от своих альянсов и Франция Эммануэля Макрона. Монолитного антироссийского Запада, о котором мы говорили пять лет назад, уже нет. На другом краю планеты – Китай, на словах приверженный международным правилам, на деле давно и устремлённо ведёт свою игру. Жёстко напоминают о своем суверенитете Индия, Турция и Иран. Польша и Венгрия, почуяв обветшание европейской конструкции, не боятся покинуть строй.

До самого недавнего времени договориться о переделе мира было невозможно, поскольку стол переговоров не отражал реального соотношения сил. Американцы, написавшие

¹ Россия и мир в 2020 году. Контурсы тревожного будущего. Под ред. А. Безрукова и А. Сушенцова. М.: ЭКСМО, 2016. С. 27.

Участники Саммита глав государств НАТО в Лондоне

правила игры после окончания «холодной войны», пригласили за стол своих союзников, единственной ролью которых было играть в «мировое общественное мнение».

Во время передела на первый план выступает реальная сила. Право писать новые правила игры можно либо завоевать, либо купить. Претенденты на места за столом новой глобальной игры быстро распадаются на тех, кто готов платить за место игрока, и тех, кто пришел понаблюдать за игрой и примкнуть к победителю. Игра за власть требует ясности: хочешь играть – покажи, чем будешь делать ставки. Одни за свое будущее заплатят деньгами, другие готовы платить кровью.

Расставаться с иллюзиями о том, что «мягкая» сила будто бы способна существовать без силы «жесткой», непросто и даже мучительно. Властелины сложившегося после «холодной войны» мира упорно и долго навязывали мнение о том, что источником стабильности является не баланс сил, а соблюдение написанных ими норм и правил. О том, что «цивилизованные западные демократии» по определению выступают бастионом защиты интересов всего человечества и каждого человека.

Борьба за власть обостряется и внутри стран – будь то Соединенные Штаты, Евросоюз, Китай или Россия. Слабеющая транснациональная либеральная финансовая элита стремится помешать усилению элит национально ориентированных, готовящихся поделить мир заново. Лидерам, взявшим на себя ответственность за новые правила игры, – Трампу, Си, Путину, Моди, Эрдогану, – придется несладко. Вызовом для них станут не только войны элитных кланов, но и разобщенность общества.

В то же время во многих странах у власти оказались люди, не имевшие реального опыта борьбы за власть. Поколение политиков, получивших власть «бесплатно», вынесенных наверх кулуарными договоренностями, пока их народам было «все равно», воплощает новый тип власти – без личной ответственности, прячущейся за правила и циркуляры, почти открыто ненавидящей «улицу» и не способной её слышать и понимать. Оставшись один на один с озлобленным прекариатом, усиленным технологиями социальных сетей, эта не заслужившая доверия власть все чаще обнаруживает свою недоговороспособность.

На фоне шаткой предкризисной экономики и правительственных попыток выжать из граждан последние накопления почти всюду: от Сантьяго до Парижа, от Гонконга до Барселоны – очевиден кризис института «постсовременной» власти. И в каждой из стран вопрос о власти будет вопросом о реальной силе: в ближайшие годы будет ясно, где власть будет способна

показать видение, выдержку и лидерство, а где – будет дожидаться своего конца за стеной обесцененных слов.

В мире, вновь заговорившем на языке силы, голос России слышен особенно хорошо и тем, кто ее ненавидит, и тем, кто ей симпатизирует. Она не обещает того, что не может, и неизменно выполняет обещанное.

Ключевые тренды международной среды с точки зрения интересов России

	Военные	Политические	Экономические	Идеологические
Способствуют	Сокращение потенциала силового доминирования США в мире	Тренд на укрепление суверенитета среди ведущих держав	Рост спроса на продовольствие на глобальном рынке	Кризис право-либерального политического проекта
	Кризис солидарности внутри НАТО	Запрос на третью силу в соперничестве США и Китая	Сохранение актуальности традиционных источников энергии в среднесрочной перспективе	Глобальный тренд на социальный консерватизм
	Рост военной мощи стран не-Запада	Складывание условий для формирования большого «Евразийского концерта»	Повышение транзитного потенциала Евразии, включая Северный морской путь	Спрос на модель сильного лидера, ослабление значимости «мягкой силы»
Препятствуют	Повышение вероятности применения военной силы ведущими державами	Повышенная неопределенность из-за деконсолидации внутри НАТО (политика Турции, Польши и др.)	Угроза глобального экономического кризиса	Антироссийские медийные кампании под предлогом вмешательства во внутренние дела и защиты прав человека
	Восточная Европа задает повестку дня НАТО в отношении России	Ослабление значения традиционных союзов, включая российские	Санкционное давление и политическая напряженность, препятствующая инвестициям	Инициированные странами Восточной Европы «войны памяти»
	Угроза обострения конфликта вокруг КНДР и Ирана	Украинский кризис как препятствие для диалога России с ЕС	Экономический вакуум в центральной Евразии, затрудняющий развитие Сибири и Дальнего Востока	
Влияют нейтрально	Высокая активность глобальных террористических сетей			
	Фестиваль провокаций - опосредованное использование силы ведущими державами	Эрозия созданных Западом институтов политики и безопасности эпохи «холодной войны»	Ускорение темпов изменения климата	Радикальный экологический активизм
	Новый виток гонки вооружений в ракетных технологиях и космосе	Волна популизма и новая политическая реальность	Обострение конкуренции техноэкономических платформ	Глобальный тренд на национальный эгоизм и сепаратизм
	Снижение катастрофичности последствий использования военной силы	Геополитическое ускорение - повышение темпов перемен в мире		

Америка: 2020-й и дальше

Дональд Трамп со своими сторонниками

2020 год будет переломным для США и всего мира. Грядущие выборы – Президента и Конгресса – во многом зададут Америке вектор движения на последующие десятилетия.

Соединенные Штаты встречают 2020 год в состоянии глубокой внутренней разделенности. С экономической точки зрения это конфликт двух разных Америк, живущих на одной территории – Америки как финансового центра, распределителя мировых денег, и Америки индустриальной, которой этих денег достается всё меньше. Последняя – на протяжении последних двадцати лет – неуклонно теряла свои позиции, а благополучие американской «глубинки» стало явлением прошлого, а не настоящего или тем более будущего.

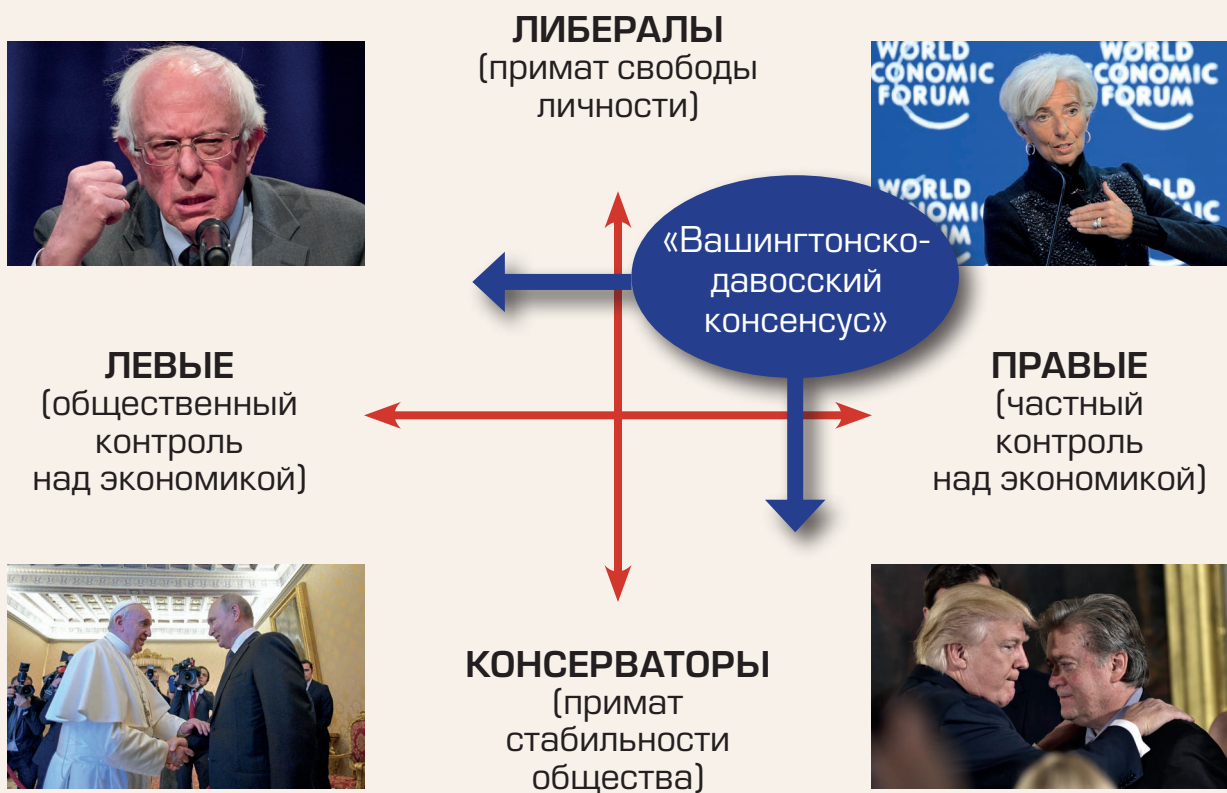
Ослабли и зашатались столпы, на которых держалась американская исключительность. Переток денег из индустриальной экономики в финансовую сферу привел к стагнации доходов большей части населения. Тот факт,

что дети впервые в истории страны живут хуже родителей, ударил по притягательности образа «американской мечты». Потоки иммигрантов, особенно из Латинской Америки и Азии, больше не перерождаются в «правильном котле» в нормальных американцев, а образуют этнические анклавы, настаивающие на особом к себе отношении.

Как и во время гражданской войны XIX века, конфликт двух экономических моделей привел к мировоззренческому и политическому расколу элит. Американские побережья с их экономикой, обслуживающей финансово-технологические компании, и внутренняя часть страны с ее индустрией и агробизнесом живут по разным понятиям и голосуют за разные партии. Государственные органы и суды стали площадками для открытой политической борьбы Республиканцев и Демократов. Для тех и других идея верности традициям «честной игры» тускнеет в сравнении с рисками потери власти и доходов.

ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ПОЛИТИКИ

Американский истеблишмент, оказавшийся после окончания «холодной войны» без идеологических и экономических конкурентов, заостенел и... деградировал. Мир, который он годами выстраивал, с приходом Трампа теряет управляемость. Революция социальных сетей привела к значительной потере инструментов его влияния на население, особенно молодое. Аудитория контролируемых финансовой элитой традиционных средств массовой информации – газет и телевидения, – как и доверие к ним, неуклонно сжимается.

Кризис истеблишмента усугубляется кризисом Демократической партии. Проиграв Трампу, ее стареющая «клинтоновская» верхушка отказалась признать поражение и сделала все, чтобы удержать контроль. Вместо честного «разбора полетов» и смены поколений Демократическая партия увязла в борьбе за власть и финансовые потоки. Разо-

чарованная в лидерах молодежь Демократов стремительно левеет. Но квази-социалистические лозунги и видение зеленой экономики, взятые на вооружение левым крылом, звучат слишком радикально не только для массы американских избирателей, но и для большинства самих Демократов. В результате к предварительным выборам, начинающимся в феврале 2020 года, Демократы приходят без понятной большинству программы, и без кандидатов, способных мобилизовать партию на выборы.

Единственное, что объединяет Демократов сегодня, – болезненная неприязнь к Трампу. Отсюда и расследование «русского следа» в выборах 2016 года, и процедура импичмента. По мнению лидеров Демократов, если антитрампизм сработал на промежуточных выборах в Конгресс, почему бы не поставить на ту же карту еще раз.

На другой стороне – Республиканцы, обремененные импичментом, представляющие силу, готовую к борьбе за власть как никогда раньше. Трамп, при всем его спорном таланте администратора, показал себя отличным политиком, чувствующим запросы своих избирателей и выполняющим свои предвыборные обещания.

Основными факторами неопределенности, влияющими на результат президентских выборов 2020 года, являются (1) состояние экономики и (2) способность Демократической партии сохранить единство и мобилизовать электоральную базу. Состояние экономики и, как следствие, степень удовлетворенности населения своим положением всегда являлись ключевым фактором, определяющим шансы правящей партии остаться у власти. Американская экономика уже несколько месяцев находится на грани рецессии, а администрация Трампа предпринимает все меры к тому, чтобы снизить ставку рефинансирования и поддержать рост и финансовые рынки.

На фоне Республиканского электората, на 85% готового вновь голосовать за Трампа, и очевидной консолидации Республиканцев в Конгрессе и Сенате против импичмента, раздробленность Демократов и отсутствие в их среде явных лидеров в гонке за номинацию ставит вопрос о способности Демпартии победить за Белый дом. Появление популярного лидера на их стороне, сумеющего вдохновить партийных активистов на местах, да еще и с политической программой, впитавшей чаяния широких слоев американцев, развернет предвыборную динамику. Однако пока ни один из кандидатов: Сандерс, Уоррен, Бутиджидж, Блумберг, Байден – не годятся на эту роль.

Отсюда – следующие сценарии президентских выборов в США.

1. Отсутствие выраженной рецессии в экономике к началу выборов, в сочетании с неспособностью Демпартии консолидироваться вокруг своего кандидата и программы, оставляют Трампа в Белом доме. Такой прогноз отражает текущую ситуацию, в кото-

рой опросы показывают, что большинство – не только Республиканцы, но и Демократы, – считают, что Трамп останется у власти.

2. В случае успешной мобилизации Демократов вокруг своего кандидата, при благоприятной экономической ситуации, шансы Республиканцев удержать президентство все равно превышают шансы Демократов его отвоевать. Республиканцы хорошо организованы и мотивированы. Исторический опыт показывает, что на президента у власти работает инерция независимого внепартийного электората, обычно голосующего своими кошельками. Чтобы победить, кандидат от Демократов должен быть уникально сильным и везучим.

3. Примерно того же результата можно ожидать в случае, если экономика к выборам даст серьезный сбой, но Демократическая партия не сумеет консолидироваться. Недостаточно просто выставить победившего на партийных праймериз кандидата. Велика вероятность, что в случае выдвижения центриста, как это произошло с Хиллари Клинтон, левая молодежь в день выборов останется дома. И наоборот. А в это время Трамп будет громко обвинять финансистов из ФРС в том, что они мало сделали для предотвращения рецессии. И Республиканский электорат поверит.

4. Только в случае экономического спада, с одной стороны, и консолидации партии – с другой, Демократы обретают реальный шанс вернуть себе президентство. Только тогда есть перспектива того, что волна недовольства Трампом наложится на волну желания перемен в курсе страны. Потенциал для такой волны в американском обществе есть. Но это потребует появления у Демпартии харизматического кандидата, программа которого отзовется у независимых и даже у части Республиканцев. Появится ли такой кандидат будет яснее к концу марта.

Как мы видим, во втором и третьем сценариях, при прочих равных, победа или поражение будут зависеть от уровня мотивации Республиканцев и силы кандидата Демократов. На сегодняшний день экономика США

держится неплохо, процесс импичмента лишь сплачивает Республиканский электорат, а Демократы глубже погружаются в междоусобную войну, с новыми лицами, но без внятной программы и убедительных лидеров.

Сохранение Трампом президентства, кроме ситуации, в которой Демократы заберут себе обе палаты Конгресса, что при победе Трампа весьма маловероятно, ознаменует ускорение развала глобальной экономической и политической системы, построенной вокруг США, и ускорение передела мира.

В случае победы кандидата от Демократов, Республиканцы, которые с большой вероятностью удержат Сенат, припомнят ему все издевательства над Трампом таким же

саботажем, а обозленный Республиканский электорат их в этом всемерно поддержит. С новым лидером американский истеблишмент попытается, насколько возможно, восстановить свои позиции на международной арене, но возвращение к единому антироссийскому фронту образца 2014 года маловероятно.

Кто бы ни пришел к власти на выборах 2020 года, внутренний конфликт элит и паралич американской политической системы будет продолжаться еще 8-10 лет, до того времени, когда к руководству страны придет следующее поколение элит. Для этих людей, выросших после «холодной войны», уже не Россия, а Китай станет проблемой номер один.

Сценарный анализ итогов президентских выборов в США в 2020 году

Больше свободы маневра

Американские и польские солдаты в Польше

Членство в НАТО и ЕС не гарантирует странам-участницам отсутствие противоречий и взаимных претензий. Главным возмутителем спокойствия в Альянсе является Турция, развивающая вопреки США военно-техническую кооперацию с Россией и проводящая самостоятельную политику на Ближнем Востоке. В этой связи в 2020 году две турецкие базы НАТО останутся объектами двухстороннего торга.

Помимо НАТО значительные противоречия накопились между Турцией и Евросоюзом. В этом контексте следует отметить вновь обретенную Анкарой функцию «накопителя беженцев» на границе с «единой Европой» и новую актуализацию проблемы Кипра из-за

чрезмерной активности Турции на кипрском шельфе.

Не менее противоречиво развиваются и американо-египетские отношения. На одной чаше весов оказываются особый статус «союзника вне НАТО» и ежегодная помощь ВПК и военному образованию Египта в 1,3 млрд долл. и торговля, где США – второй после КНР торговый партнер Египта. На другой чаше раздражителями выступают военно-техническое сотрудничество Каира с Москвой и расхождения вокруг проблем соблюдения прав человека. Значительная часть египетской элиты считает поведение США во время «арабской весны» предательством стратегического союзничества.

Стремление Каира играть роль регионального газового хаба в сотрудничестве с ЕС в целом и Грецией и Кипром в частности вступает в противоречие с турецкими интересами. В этой связи вероятной зоной напряжения в 2020 году станет греко-турецко-египетский «газовый треугольник».

Саудовская Аравия связана с США общностью интересов против Ирана, военно-техническим сотрудничеством и технологической кооперацией. Вашингтон готов закрывать глаза на значительные отступления Королевства от продвигаемых им по всему миру «правозащитных стандартов». В то же время налицо и нарастающие противоречия в экономике. Растущие объемы добычи углеводородов в США постепенно делают их конкурентами КСА.

В 2020 году забурилит европейский восток. Польша продолжит пугать западных соседей восточным и наращивать двустороннюю военную и энергетическую кооперацию с США. При этом актуализируется спор с Германией за лидерство на востоке Европы. Варшава солидаризируется с Вашингтоном и Лондоном в отношении «троеморья», тогда как Берлин и Париж попытаются строить через него мосты. Разделяют Польшу и «старую Европу» вопросы миграционной политики и форсированное внедрение со стороны Брюсселя стандартов толерантности.

По этим вопросам у Варшавы могут появиться ситуативные союзники в лице Братиславы и Будапешта. При этом Венгрия готова идти дальше, развивая экономическую кооперацию с Россией. В 2021 году «Росатом» начнет строительство АЭС «Пакш-2», что венгерский премьер Виктор Орбан будет подавать своему избирателю как свою победу.

Еще больше проблем с мигрантами – у Греции. К тому же во всех ее спорах с Турцией НАТО сохраняет нейтралитет, что вызывает открытое недовольство Афин.

Президент Франции Эммануэль Макрон

В контексте эрозии европейского единства следует воспринимать и политические амбиции Франции и лично президента Эммануэля Макрона. Он уже обозначил свою критическую позицию в отношении эффективности НАТО и необходимости выстраивать европейскую безопасность с российским участием. Не соглашаясь, кроме Вашингтона, еще и с Берлином, Париж будет стремиться к наращиванию связей с Россией за рамками строительства газопроводов (на которых готова остановиться нынешняя Германия). Если самостоятельность европейской внешней политики будет нарастать – а шансы на это больше в случае победы Трампа на выборах, – именно роль Макрона станет ведущей.

Россия в 2020 году в своих отношениях с «непослушными» будет противопоставлять свой образ продюсера суверенитетов американскому доминированию. Москве не нужно переманивать чужих союзников: ей достаточно того, что в традиционных альянсах возрастает их степень свободы. В то же время Россия и сама сталкивается с тем же типом поведения со стороны собственных союзников.

Перспектива «Евразийского концерта»

В 2020 году все ключевые игроки в Большой Евразии будут вовлечены в разрешение двух геополитических «пазлов». Первый – это реагирование на американское присутствие на континенте. Несмотря на значительное снижение влияния США и серию чувствительных неудач, начиная с Афганистана и Ирака и заканчивая Сирией, Вашингтон, тем не менее, будет стремиться к сдерживанию потенциальных соперников, недопущению консолидации Евразии без контроля и участия со своей стороны.

При этом в будущем он, видимо, станет жестче противостоять не только своим традиционным конкурентам: Иран, Россия, Китай и в меньшей степени Индия – но и союзникам, прежде всего Турции. Принятие резолюций двух палат Конгресса по признанию геноцида армян (октябрь и декабрь 2019 года) делает отношения Анкары и Вашингтона намного более непредсказуемыми. Исключительно острый, но скоротечный кризис между США и Ираном, вызванный убийством генерала Касема Сулеймани, подтвердил тезис нашего прошлогоднего прогноза о «фестивале провокаций» – нарастание силовых акций необязательно служит прелюдией к большой войне. Правительства, в том числе иранское и американское, продолжают оттачивать умение балансировать на грани вооруженного конфликта, что, разумеется, не делает это балансирование менее рискованным.

Будут отрабатываться и новые формы санкционного давления на Тегеран, Пекин, Москву, которые пока кажутся Вашингтону оправданными мерами в отношении к тем, кто бросил вызов американской гегемонии. Парламентские выборы в Иране в 2020 году, как и кризис в Гонконге для Китая, станут значимыми внутривосточными испытаниями, которые США будут стремиться осложнить. В случае успеха Дональда Трампа на выборах не исключены попытки обнов-

ленной администрации, получившей большую легитимность, сыграть на противоречиях между Китаем и Россией. В этой связи высока вероятность «предложений» Пекину и Москве, которые будут сочетаться с давлением на обоих партнеров. Но до окончания президентских выборов значительных изменений по отношению к ключевым евразийским игрокам со стороны Вашингтона не произойдет.

Второй «пазл» представляет собой комплекс отношений самих евразийских игроков друг с другом. На первый взгляд, их объединяет два принципиальных интереса: стремление укрепить собственный суверенитет и самостоятельность на международной арене и неприятие американского доминирования. Это дает основание для появления «евразийского концерта», ориентированного на формирование инклюзивной, а не блоковой системы безопасности, в которой сами страны континента, не прибегая к помощи заокеанского балансира, могли бы решать возникающие кризисы.

Однако между ведущими странами Евразии очевидны противоречия. Так, имея общую цель замирения Сирии, Иран, Турция и Россия по-разному выстраивают стратегию и тактику решения этой задачи. Если для Москвы главным вызовом остается радикальный джихадизм, то для Турции – образование независимого Курдистана или появление еще одного де-факто государства вблизи собственных границ. Несмотря на членство в Шанхайской организации сотрудничества, три евразийских гиганта – Китай, Индия и Пакистан – уже многие годы не находят компромисса по кашмирской проблеме. Дели и Исламабад будут оставаться заложниками внутривосточных процессов на спорной территории – и именно эта зависимость дает негосударственным игрокам значительный рычаг в их отношениях с крупнейшими державами.

В 2020 году сирийское примирение, кризис на Корейском полуострове и урегулирование в Кашмире станут главными тестами на возможность сближения позиций ключевых евразийских игроков. Именно на этих направлениях велика вероятность кризисов и обострений. Даже установление эффективного *modus vivendi* и качественного конфликтного менеджмента будет считаться серьезным успехом, без которого продвижение к «евразийскому концерту» так и останется идеей.

Россия, заинтересованная в стабилизации обстановки вдоль всего периметра ее границ, в 2020 году будет воздерживаться от «окончательного выбора» между евразийскими партнерами, вовлеченными в конфликты друг с другом. Укрепляя репутацию эффективного посредника, не склонного к простым решениям, Россия с большей вероятностью достигнет статуса главного центра политической гравитации в Большой Евразии.

Стратегические приоритеты ключевых игроков Большой Евразии

	РОССИЯ	КИТАЙ	ИНДИЯ	ИРАН	ТУРЦИЯ
Потребность	Безопасность и стабильность в Евразии	Формирование новой модели международного сотрудничества	Создание благоприятных внешних условий для внутренней трансформации	Выход из международной изоляции при сохранении исламской модели развития	Превращение в самостоятельного игрока в Евразии, равноудаленного от Запада и других центров силы
Интерес	Создание инклюзивной модели безопасности и экономического развития на континенте	Выстраивание пояса дружественных и лояльных Пекину государств	Создание выгодного стратегического окружения на основе двусторонних связей со странами Евразии	Демонстрация «нормальности» страны для международного сообщества, выстраивание прагматичных отношений по всем азимутам	Ревизия внешнеполитического наследия Ататюрка и укрепление позиций в регионах «османского наследия» в Средиземноморье
Цели	<ol style="list-style-type: none"> 1. Минимизация влияния США в Евразии 2. Укрепление стратегического партнерства с КНР и Индией 3. Выстраивание равновесных отношений с евразийскими странами для минимизации конфликтов на континенте 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Поддержание роста экономики и превращение в мирового экономического лидера 2. Создание в Центральной Азии, Закавказье и на Ближнем Востоке спроса на китайское присутствие как гарантию экономического развития и стабильности 3. Минимизация внешнего вмешательства в дела Евразии 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание зоны мира и стабильности в Южной Азии и в АТР без вовлечения в открытую конкуренцию с Китаем 2. Продолжение «политики неприсоединения» на новой основе 3. Поиск путей улучшения отношений с Пакистаном без «привязки» Кашмирской проблемы к внутривнутриполитической ситуации в Индии 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Укрепление экономических связей с Китаем как главным партнером в условиях санкций 2. Сотрудничество с Россией и Турцией для противодействия американской гегемонии 3. Выстраивание прагматичных отношений с ЕС в надежде на раскол между Брюсселем и Вашингтоном 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Минимизация зависимости от США и НАТО, получение де-факто статуса особого члена в Альянсе 2. Превращение в центр гравитации для тюркских народов и для мусульман 3. Выстраивание прагматичных отношений с Ираном, Россией, КНР при соблюдений особых интересов в турецком «ближнем зарубежье»

Спазмы европейской безопасности

Переговоры «Нормандской четверки» в Париже

Европейская повестка дня в 2020 году не обещает крутых поворотов. Центральным приоритетом по-прежнему останется урегулирование вооруженного конфликта в Донбассе. Этот сюжет подчеркнет общие проблемы европейской безопасности и роль России в ее обеспечении. В какой форме страны НАТО готовы к участию Москвы в укреплении стабильности в Европе?

При ответе на этот вопрос главный сюжет – нервные спазмы коллективного Запада перед лицом мнимого «российского ревизионизма». Расширение Североатлантического альянса не снимается с повестки дня. Повестку дня НАТО фактически захватили государства Прибалтики и Польша. Они же оказывают серьезное воздействие на политику Европейского Союза, делая ее в отношении России несбалансированной и лишенной важных нюансов. Именно они выступают основными лоббистами укрепления американского присутствия в Европе. И получают довольно слабые возражения со стороны старожилев ЕС.

Вместе с тем очевидно стремление США к «оптимизации» НАТО и перераспределению финансовой ответственности за Альянс с европейскими партнерами. Альянс демонстрирует низкую эффективность. Вопреки многочисленным декларациям Грузия и Украина не имеют шансов на вступление в НАТО, что с годами будет укреплять евроскептицизм в обеих странах. Запад опасается втягиваться в более глубокую конфронтацию с Россией из-за двух постсоветских республик. Невелики шансы и на смыкание натовского кольца на Балканах, препонами чему станут Босния и Герцеговина, а также Сербия.

Поэтому вероятность конкретных совместных политических решений между коллективным Западом и Россией по европейской безопасности в 2020 году сравнительно низка. Нет оснований думать, что страны «новой Европы» поддержат в отношении России инициативы вроде тех, что выдвинул французский лидер. Более того, даже представители Франции – и потенциально ФРГ, Италии – будут выступать за

вовлечение России при условии ее уступок по Донбассу, а также её отдаления от Китая. Но даже при таком сценарии развития нет никаких гарантий снятия антироссийских санкций. Сближение европейских столиц с Москвой не получит и поддержку со стороны США, которые, как минимум, отложат возможные «сделки» до 2021 года. Нет гарантий и от того, что в случае уступок по Донбассу не будет актуализирован вопрос о статусе Крыма, сворачивании миротворческой миссии в Приднестровье или признании Россией абхазской и югоосетинской независимости.

Ситуация с новыми инициативами Макрона показала, что даже склонные к нормализации отношений с Россией европейские политики воспринимают такой сценарий

как «билет в один конец». Символично в этом отношении неготовность французского лидера к принятию предложения российского президента Владимира Путина относительно моратория на размещение РСМД. Скорее всего инициативы Москвы в 2020 году не будут приняты представителями западных стран благосклонно. Алгоритм практического взаимодействия будет подменяться риторикой про полезность диалога. Для Москвы основной задачей 2020 года на европейском направлении станет поддержание самого формата диалога, но без односторонних уступок и обещаний. Российская «сдержанность» и последовательность помогут Западу перейти к более содержательным предложениям, не сводимым к нормализации как к самоцели.

Балансный лист оценки интересов России в связи с инициативой Э. Макрона о возобновлении диалога

	За решение	Против решения
Преимущества	<ol style="list-style-type: none"> 1. Возможность нормализации отношений с Западом, их вывод за рамки украинского кризиса 2. Повышение шансов на «заморозку» вооруженного противостояния в Донбассе и урегулирование конфликта 3. Возможность дифференциации отношений России с США и ЕС, а также с отдельными государствами Евросоюза 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Выдерживание паузы для конкретизации предложений Э. Макрона и выхода на практические шаги вместо общих деклараций 2. Возможность для более четкого формулирования собственных предложений в развитие тезисов Э. Макрона 3. Позиционирование себя как ведущего, а не ведомого в процессе нормализации, навязывание собственных правил игры
Недостатки	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие конкретной практической повестки дня для диалога. Системные проблемы европейской безопасности для нормализации отношений не обозначены и не сформулированы 2. Россию подталкивают к компромиссам, не предлагая взамен никаких гарантий 3. Слабая субъектность ЕС в целом и Франции в частности, критическая зависимость Парижа и Брюсселя от трансатлантической повестки дня 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Продолжение санкционной политики ЕС в отношении России 2. Фактическое блокирование российских инициатив по европейской безопасности, угроза маргинализация России в Европе 3. Снижение возможностей для разрешения конфликта в Донбассе

Эпоха техноэкономических блоков

Штаб-квартира корпорации Google

В мире начался процесс формирования альянсов для конкуренции в новом технологическом цикле. Эти альянсы можно назвать техноэкономическими блоками, поскольку в их основе лежат конкурирующие технологические платформы – совокупность разработанных на национальном уровне передовых технологий (когнитивных, вычислительных, передачи и шифрования данных и др.) и построенных на их базе инструментов (поисковиков, мессенджеров, социальных сетей, суперкомпьютеров) – базирующаяся на национальной инженерно-технологической школе. В конкуренции нескольких национальных технологических решений и связанных с ними экономических и социальных моделей может родиться общество, оптимально адаптированное к будущему технологическому укладу и

которое получит шанс распространить свою модель на весь остальной мир, как это не раз бывало в прошлом.

Обязательными атрибутами конкурентного техноэкономического блока являются контролируемый им значительный сегмент мирового рынка, собственная валютная зона с эмиссионным центром, собственная модель развития, а также набор ресурсов, технологий и научных компетенций, позволяющий блоку быть независимым от других, по крайней мере в таких областях, как оборона и суверенная критическая инфраструктура.

Первый такой техноэкономический блок складывается вокруг Соединенных Штатов на базе англосаксонского мира – Канады, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии – и наверняка вберёт в себя уже такие тесно экономически интегрированные с ними

страны, как Мексика. Америка Трампа уже ведет политику «огораживания» своей экономической вотчины, используя свое привилегированное положение в мировой системе для создания себе наилучших условий. Эта единственная подлинно глобальная платформа базируется на историческом отрыве технологических компаний Кремниевой долины от всего остального мира, катализированном передовыми разработками DARPA, и сохраняет свои позиции за счет поддержки своих глобальных корпораций, имеющих неограниченный доступ к большим данным своих пользователей, и опережающих темпов рыночного внедрения инноваций.

Очевидно, что еще один техноэкономический блок соберётся вокруг Китая, который систематически расширяет круг своих соседей, привязанных к китайской экономике финансами и инфраструктурой. Китайская модель построена на принципах абсолютной самодостаточности, располагает доступом к гигантским и во многом закрытым для конкурентов рынкам потребителей технологий и пользовательских данных. Будучи «моделью догоняющего развития», она концентрируется на трансфере и импорте

знаний и технологий, а на международной арене – руководствуется принципами «партийного контроля» за деятельностью своих цифровых компаний.

Российская платформа – самая малая и уязвимая из трех – опирается на внутренний рынок и государственные инвестиции. Она ориентирована на военно-промышленный комплекс, высокоразвитую инженерно-математическую школу при существенном отставании рыночного внедрения (коммерциализации) инноваций. В условиях датацентричного мира сравнительно малочисленной по населению России имеет смысл стремиться к расширению доступа к пользовательским данным других стран. Естественными партнерами Москвы являются государства ЕАЭС, отдельные государства постсоветского пространства (Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан, Молдова) и Европейский Союз, который может стать стратегическим партнером в деле создания «единой цифровой Евразии от Атлантики до Владивостока». Цифровая повестка дня может помочь перезагрузить отношения России и ЕС, поставив их в новый контекст развития и инноваций.

Атрибуты техноэкономических блоков в конкуренции ведущих государств

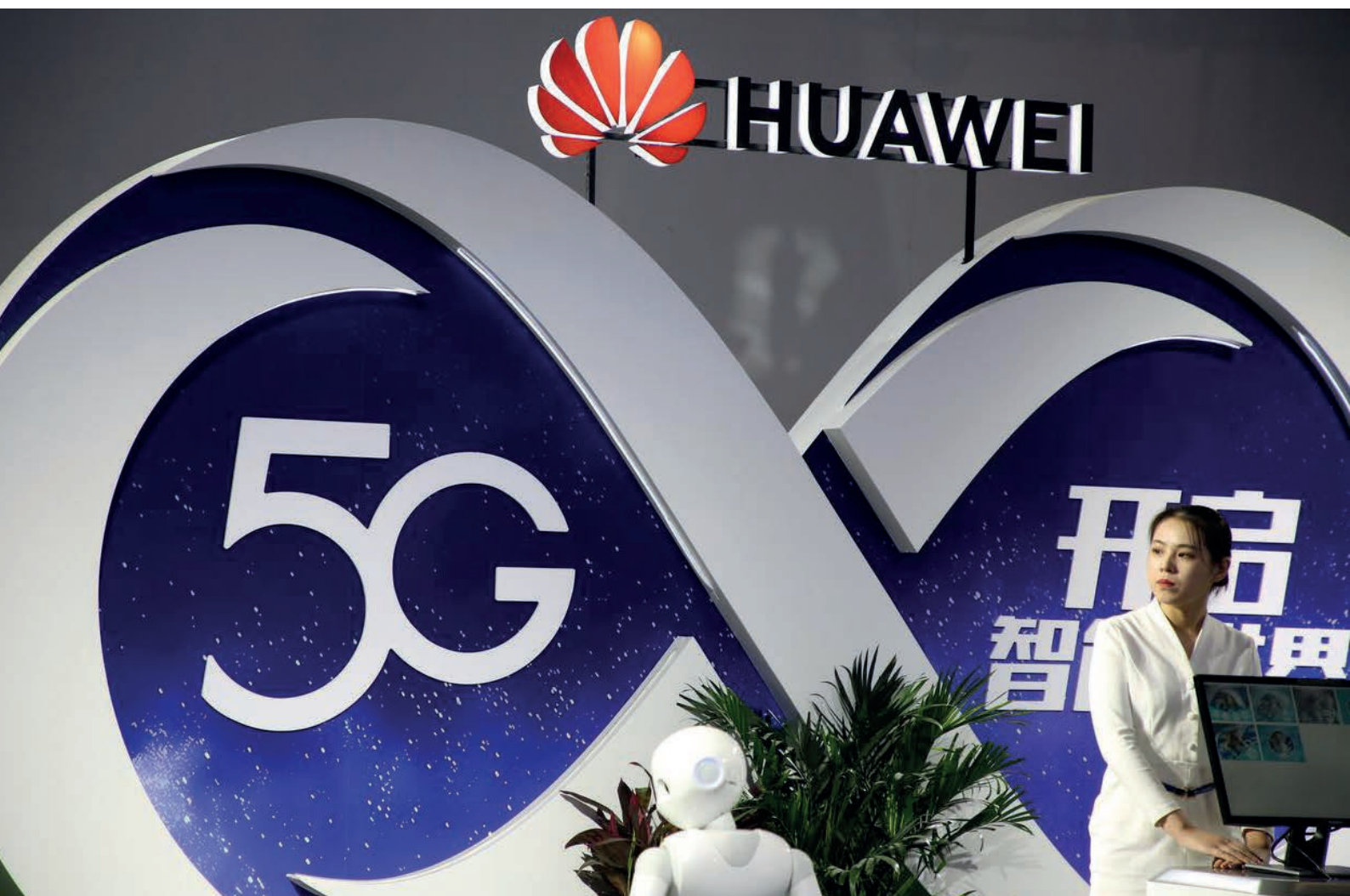
Атрибуты и страны	Контроль рынков	Своя валюта и эмиссионный центр	Таланты и ресурсы	Технологии и компетенции	Модель развития	Потенциал для блока
США	+	+	+	+	+	+
Китай	+	+	+	+	+	+
Евросоюз	+	+	-	?	-	?
Индия	+	-	-	-	-	-
Япония	-	+	-	-	-	-
Россия	-	-	+	+	+	+
Бразилия	-	-	+	-	-	-

Знаменательно, что граница между блоками именно технологическая. В эпоху общего цифрового пространства она проходит по границам влияния конкурирующих технологических платформ критической инфраструктуры, которые правительства контролируют на национальном или блоковом уровне. Допустить чужаков в свою суверенную инфраструктуру невозможно по соображениям национальной безопасности. Именно поэтому китайская компания Huawei не сможет построить сети 5G в США, а ее американские конкуренты не смогут развиваться в Китае. Можно констатировать, что уже на ранних этапах формирования техноэкономических блоков сложилась дуополия технологических платформ – Facebook и WeChat, Amazon и Alibaba, Cisco

и Huawei и другие, а сами блоки зачищаются от присутствия компаний, являющихся выходцами из стран-конкурентов.

Как и при прежних технологических революциях, появление новых технологий трансформирует нормативно-правовой уклад национальной и международной жизни. Новые технологии множат не только возможности, но и риски, порождая у граждан и государств стойкое чувство уязвимости. Невозможность достоверно определить факт информационного вмешательства во внутренние дела или установить наличие агрессивных намерений размывают границы *casus belli* и снижают уровень доверия между государствами, повышая вероятность международного конфликта. Новые феномены не получают своевременного от-

Стенд компании Huawei

ражения в национальном и тем более международном праве и толкают международную систему к анархии.

В ответ на риски цифрового развития возникает контртенденция старших «аналоговых» подходов на новые «цифровые» феномены. Государства Запада запрещают выпуск и оборот криптовалют, начинают ограничивать использование технологий распознавания лиц, усиливать государственный контроль за деятельностью цифровых корпораций. На международной арене этот принцип проявляется в призывах к «цифровому Вестфальскому миру»: стремлении использовать классическое международное право для кодификации новой реальности, регулировать киберпространство с помощью законов, определяющих межгосударственные отношения в «физических» средах. Очевидно, что и на международном уровне развитие цифровой повестки дня будет энергично сдерживаться. Такой подход в будущем приведет к инициативам под благовидным предлогом ограничить клуб государств, имеющих право развивать отдельные виды передовых технологий.

Перед Россией, как и перед другими странами, претендующими на суверенитет, но не имеющими критической массы собственного рынка или других обязательных атрибутов техноэкономического блока: Евросоюзом, Японией, Бразилией, Индией – встает стратегическая дилемма. Для того чтобы сохранить конкурентоспособность, им нужно либо примыкать к формирующимся блокам, либо укреплять свои.

Нормативная основа работы здесь – выработка единых технологических и правовых стандартов хранения, передачи и оборота данных, порядка разметки больших данных, совместимых криптоалгоритмов, а политэкономическая – в продвижении российских цифровых продуктов на внешних рынках:

Марк Цукерберг на слушаниях в Конгрессе США

единые стандарты проще развивать в рамках единой аппаратно-программной среды. К тому же в цифровом мире экспорт цифровых технологий в области кибербезопасности, электронного правительства, как и при экспорте вооружений, содействует формированию новых устойчивых экономических и политических альянсов даже в тех случаях, когда это представляется маловероятным на базе аналоговых технологий.

Борьба суверенных технологических платформ за рынки будет нарастать и обостряться. И России предстоиткратно наращивать свои усилия. На идеологическом уровне российское экспортное предложение выглядит исключительно конкурентоспособно: разрабатывая свои продукты на базе открытого кода или предоставляя потребителям их исходный код, российские компании де-факто отказываются от внедрения в свои продукты «незадекларированных возможностей» и тем самым способствуют «экспорту технологического суверенитета», защищая критическую инфраструктуру государств-реципиентов от проникновения третьих стран. Формирование единой цифровой Евразии на приемлемых для Москвы принципах может стать долгосрочным трендом развития новой архитектуры полицентричного мира.

Экополитика и политэкология

Молодежная демонстрация «Fridays for future»

В 2019 году дискуссии об окружающей среде вытеснили на первый план большой политической сцены. Эмоциональная речь 16-летней активистки Греты Тунберг в ООН поставила под вопрос прошлые достижения руководителей государств в борьбе с глобальным потеплением. Экологическая повестка дня обрела новое измерение. Поиск оптимальной стратегии по защите окружающей среды дополнился эмоциональным протестом, апеллирующим к чувствам, а не к цифрам. На его стороне – «революционное» экологическое самосознание, юношеский максимализм и бескомпромиссность.

Проблемы экологии заслуживают серьезнейшего внимания и требуют предметного обсуждения. Если мы непоправимо разрушим среду собственного обитания, решения всех остальных проблем перестанут иметь смысл. Количество природных катастроф и стихийных бедствий продолжает нарастать. Природные катаклизмы несут в себе непосредственную угрозу для жизни целых народов, заставляя массы людей покидать свои дома. 80% всех перемещений приходится на Азиатско-Тихоокеанский регион, почти 90% экологических миграций связаны с климатическими факторами, пре-

имущественно наводнениями и ураганами. Сложился феномен «экологических беженцев» или «экологических мигрантов». Остро встают проблемы недостатка пресной воды и эрозии почв. От изменения климата больше всего страдает население наименее развитых стран мира. Экологическая миграция еще более усугубит миграционный тренд Юг – Север, усилит столкновения за ресурсы и возможности социального и экономического развития.

Между тем, нагнетаемая истерика вокруг глобального потепления становится благодатной почвой для крупного бизнеса. Давление на общественное мнение со стороны радикальных эко-активистов искусно используется для блокирования инвестиционных потоков в якобы «грязные» индустрии добычи и переработки невозобновляемых природных ресурсов. За этой инициативой кроется стремление перенаправить деньги из реальной экономики в технологические компании, чтобы сохранить пузырь на рынке хай-тека. Ряд стран ЕС также использует экологическую проблематику как ширму для обновленной стратегии протекционизма.

Политики тоже откликаются на спрос на экологическую проблематику. «Зеленые» партии в европейских странах набирают популярность – статистика демонстрирует высокий уровень их поддержки, особенно среди молодых людей крупных европейских городов. В Германии на фоне электоральных успехов местных «экологов» эксперты не без тревоги рассуждают о перспективах появления «зеленого канцлера» в 2021 году.

Возможно, что в недалеком будущем всплеск политической и медийной активности заставит Россию публично определиться со своей позицией, тем более что в сфере сохранения окружающей среды Россия может играть активную и позитивную роль. Нельзя забывать о потенциальных по-

Демонстрация в поддержку партии «Зеленые» в Берлине

следствиях сокращения зоны вечной мерзлоты для созданной в России инфраструктуры газовых и нефтяных трубопроводов. Расходы на ее поддержание в этом случае могут стать астрономическими.

До сих пор, вся экологическая повестка дня была форматирована Западом под свои интересы. Часто она служила проталкиванию на глобальный рынок технологий своих корпораций, как это было с кампанией об озоновых дырах. Несмотря на свой очевидный вклад в «озеленение» экономики, Запад предлагает остальному миру, включая своих конкурентов, пойти по пути сдерживания индустриального развития.

Однако реальный путь к решению глобальной экологической проблемы лежит через ускорение инвестиций в технологический прогресс, а не через искусственное ограничение темпов роста. Такое ускорение позволит создать и повсеместно внедрить, на первом этапе, природобезопасные, а в перспективе и природоподобные технологии. Страна, которая сможет это сделать, получит беспрецедентный скачок в конкурентоспособности и производительности труда.

Будущего недостаточно.

Главные ожидания от 2020 года

Мы привыкли к тому, что неопределенность международных процессов усиливается. Впрочем, одновременно снижается и катастрофичность изменений. И хотя общая медийная картина становится более нервной, люди продолжают жить в сытом и относительно безопасном мире. Падает бедность, растут доходы населения, снижается число жертв военных конфликтов. В мире в целом происходят не только спонтанные негативные изменения, но неожиданные, хотя и глубоко закономерные, позитивные.

Наш прогноз выделяет семь ключевых трендов наступающего года.

Во-первых, в рамках либерального международного порядка продолжится инфляция власти и поддерживающих её либеральных институтов. Сложившийся по итогам «холодной войны» баланс сил, когда многим из нынешних ведущих лиц этого мирового порядка власть досталась бесплатно – без военной победы и существенных жертв с их стороны, – начинает ветшать и осыпаться. Новые правила игры, в которых реальная власть, то есть власть, подкрепленная материальными ресурсами, амбициями и готовностью применять силу для защиты собственных интересов, стимулируют новый круг гонки великих держав за лучшее место в XXI веке. Измерения этого соперничества: военное, политическое, экономическое, технологическое.

По существу, Россия дождалась момента, когда сильные стороны ее стратегии оказались востребованы, а «мягкая сила» становится все более эфемерным конструктом. Вероятный в среднесрочной перспективе масштабный экономический кризис может окончательно завершить эпоху деривативов, в том числе политических.

Второй ключевой международной тенденцией является укрепляющийся популизм. Есть существенные основания считать, что

на выборах президента США в 2020 году победу вновь одержит действующий президент Дональд Трамп. Демократы дезорганизованы и пока не могут предложить убедительной платформы для оппонирования президенту. Ведущие кандидаты от Демократов не моложе, а старше Трампа и застряли в той же колее либерального мейнстрима. Если Демократы не смогут предложить молодого, энергичного и убедительного кандидата в ответ на вызов Трампа и если экономический кризис не начнется на горизонте ближайших 9 месяцев, высока вероятность того, что Дональд Трамп усидит в кресле президента США.

Третьей ключевой тенденцией становится усиливающаяся суверенизация международных отношений. Все большее число стран делают выбор против классических альянсов и многосторонних обязательств. Разрыхление одних институтов будет вести к усилению других. Перечень стран, которые проявили непослушание и нарушили союзническую солидарность ради свободы маневра или усиления позиций, продолжает расти. Это США, Турция, Саудовская Аравия, Египет, Узбекистан, Великобритания, Венгрия, Польша, Франция, Италия... список можно продолжать. Вероятно, он будет увеличиваться и в будущем году.

Для многих из этих стран Россия является значимой альтернативой, в том числе как партнер в деле укрепления суверенитета. Россия протягивает руку помощи всем стремящимся к субъектности в международных отношениях странам: как это происходит с поставками С-400 в Турцию или расширением сотрудничества в сельскохозяйственном экспорте с Египтом, созданием атомной электростанции в Венгрии, усилением политических позиций Франции и Италии в Европе.

Четвертой ключевой тенденцией является консолидация Большой Евразии, где Россия

выстраивает инфраструктуру взаимозависимости в сферах безопасности и экономики. Долгосрочной задачей России является не создание альтернативного западному блоку, а возникновение условий, которые предотвратят крупный конфликт в Евразии, обеспечат ее стабильность, создадут единый рынок и в перспективе помогут наладить альтернативную финансовую систему. Вызовом для этого процесса является то, что ключевые игроки Евразии: Китай, Индия, Иран, Турция, хотя и имеют перечень общих интересов, но по многим вопросам соперничают друг с другом. Здесь очевиден запрос на лидерство в общеевразийских процессах, а это лидерство не может существовать без привлекательной концептуальной модели. От того, будет ли способна Россия выработать эту модель, зависит результативность эксперимента по созданию большого «Евразийского концерта».

Пятым ключевым процессом является продолжающаяся эрозия европейской безопасности, у которой несколько причин. С одной стороны, возросшие аппетиты стран Восточной Европы, которые, пользуясь украинским кризисом как предлогом, стремятся вовлечь США в гонку вооружений в регионе. С другой стороны, возникающее у элит Западной Европы понимание необходимости стратегической автономии от Вашингтона, который ведет себя все более непоследовательно. С творческими инициативами в последние месяцы 2019 года выступил президент Франции Эммануэль Макрон, который предложил формировать новое европейское партнерство с участием России. Однако украинский кризис сдерживает инициативы Макрона, фактически накладывает ограничения на независимость Франции. Эти инициативы также не встречают полного понимания у французской бюрократии, которая пока не убеждена, что у этой линии будет системное продолжение.

Россия склоняется к тому, чтобы принять подачу Франции и вновь поставить вопрос о создании инклюзивного режима безопасности в Европе. Однако многое будет зависеть от того, насколько Макрон сумеет закрепить свою роль подлинного лидера европейских процессов.

Шестым ключевым трендом является нарастающая конкуренция техноэкономических платформ. Соединенные Штаты, Китай, Европейский Союз и Россия находятся в поиске новых параметров цифрового суверенитета. Большинство из них бьется над одной и той же головоломкой: возможно ли выжить в цифровом мире аналоговой державе и что будет, если опоздать с темпами внутренних перемен. У каждой из сторон есть свои конкурентные преимущества, но задача в том, чтобы выработать стратегию, которая позволит распорядиться ими оптимальным образом. Именно это поле окажется ключевым с точки зрения определения баланса сил в XXI веке, и Россия фокусирует свои усилия, чтобы ее собственная стратегия оказалась одной из наиболее результативных.

Наконец, *седьмая* тенденция – это политизация экологии. Наступает эра, в которой сфера политического прирастает новым измерением. Сила и потенциал каждой страны начинают восприниматься через экологическую призму. Экологический потенциал, способность страны к устойчивому экологическому развитию становится одним из важных компонентов ее мощи. В новом контексте по-новому начинают звучать тезисы об энергетическом лидерстве России. Продовольственный экспорт как один из инструментов российской внешней политики начинает приобретать все большее значение в силу обостряющейся конкуренции на мировых продовольственных рынках. Все эти факторы, взятые в совокупности, пока не образуют четкой структуры национального потенциала в сфере экологии, но очевидно, что 2020 год будет периодом, когда именно это измерение мощи кристаллизуется в отдельную категорию.

Тренды 2020 года сильно отличаются от трендов 2000-х или 2010-х годов. Скорость перемен в мире не спадает. Но есть почва и для оптимизма. Страны уже не стоят на пороге катастрофического конфликта. В мире все больше сытых людей, которые хотят жить долго и безопасно, а значит конкуренция ведущих держав между собой будет обретать более мягкие и нефронтальные формы.

www.mgimo.ru

